

Автобиографические страницы лысьвенских ветеранов войны и труда

Перевозкин Александр Михайлович

В рядах «Смерша»

После окончания неполной средней школы и ФЗУ в 1935 году я был направлен на работу токарем в инструментальный цех лысьвенского металлургического завода. В октябре 1938 года я был принят в комсомол. И в этом же году призван в Красную Армию. Служить довелось в Приморском крае в городе Уссурийске в 43-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе первым наводчиком. Закончив службу, в декабре 1940 года я вернулся в Лысьву и поступил на работу в завод.

Началась война. С 27 июня 1941 года я находился на учебе и работе при Пермском управлении КГБ. В Перми я написал заявление с просьбой об отправке на фронт. 11 марта 1942 года я был направлен оперативным уполномоченным в особый отдел 231-й Пермской стрелковой дивизии. 22 июня 1942 года дивизия дислоцировалась в Саратовской области. Здесь мы получили вооружение. Начались отработки по владению оружием и тактикой боя. Занимались по 12 часов в сутки. На одном из учений и его разборе присутствовал Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов. В конце августа 1942 года на фронте сложилась тяжелая обстановка. Сталинградский фронт был расчленен противником, который вышел к Волге и начал наступление на Сталинград с севера. 66-ая армия, в состав которой входила наша 231-ая стрелковая дивизия, была включена в состав Сталинградского фронта и получила задание сосредоточиться в районе г. Дубовки в 35 км северней Сталинграда.

1 сентября 1942 года нашей дивизии был дан приказ двигаться в район сосредоточения. Шли ночью, а перед рассветом, подобрав удобные места, отдыхали. Продвигаться днем было невозможно, т.к. фашистская авиация в дневное время строго контролировала дорогу между Сталинградом и Саратовом. Горе было тем командирам воинских соединений. Которые до рассвета не могли надежно укрыть свои подразделения. Немецкая разведывательная авиация, обнаружив их, вызывала бомбардировщики и жестоко бомбила и расстреливала эти подразделения. Так было с 315-й стрелковой дивизией, которая двигалась впереди нашей.

Я продвигался к месту сосредоточения в составе противотанкового дивизиона. Кроме 12 пушек в дивизионе была еще рота противотанковых ружей. 80% личного состава противотанкового батальона были коммунистами и комсомольцами. В дивизионе и во

всех других подразделениях проводилась большая политическая работа с личным составом.

5 сентября 1942 года в 4 часа утра мы прибыли под село Ерзовка и сосредоточились в каком-то овраге. Утром артиллерия нашей дивизии повела огонь по высоте 129Ю6 южнее села Ерзовка, где закрепился противник. После артподготовки 639-й полк при поддержке десятой танковой бригады пошел в наступление на высоту. Остальные два стрелковых полка дивизии наступали юго-восточнее Ерзовки до разъезда «Конный». Немцы яростно обстреливали наступающих из пушек, минометов, пулеметов и автоматов. Но несмотря ни на что наша пехота при поддержке танков овладела высотой 129,6, взяв 12 фашистов в плен. Наш дивизион получил приказ закрепиться у позиций рядом с высотой. Мы быстро развернули орудия и привели их в боевую готовность, одновременно стали копать окопы и ровики для ящиков со снарядами. Не успели мы как следует окопаться, как на нас налетели пикирующие бомбардировщики Ю-88 и стали бомбить. Мы рассредоточились, легли на землю. Взрывались бомбы, комки земли били по спине. При этой бомбежке троих легко ранило, а командиру батареи лейтенанту Иванову оторвало обе ноги ниже коле. Раненых быстро погрузили в машину и отправили в медсанбат в Дубовку. Лейтенант Иванов по дороге в медсанбат скончался.

Мы основательно окопались. Немецкие танки стали подходить к высоте, где закрепилась наша пехота. Тут заговорила вся наша артиллерия, а со стороны села Ерзовка открыли ураганный огонь наши «Катюши». Получив такой отпор, оставшиеся немецкие танки повернули назад. Наши пехотинцы и артиллеристы повеселели.

В этих боях наша дивизия потеряла убитыми и ранеными 4 тысячи человек. В последующие дни немецкая авиация с рассвета и до заката наносила нам большие потери. Немецкая пехота при поддержке танков и артиллерии атаковала наших пехотинцев, находящихся на высоте 129,6, но безуспешно.

18 сентября нашу дивизию перебросили за балку Грачевую, где шли тяжелые бои у д.Грачи и Кузмичи. В ходе ожесточенных боев в дивизии осталось очень мало живой силы и техники, и 3 ноября она была расформирована. Оставшийся в живых личный состав и боевая техника были переданы в другие дивизии 66-й армии.

231-ая дивизия просуществовала мало, но нанесла врагу большие потери и пермяки-уральцы показали врагу свою отвагу в боях за Родину.

11 ноября 1942 года я был направлен в отдел контрразведки «Смерш» 343-й стрелковой дивизии оперативным уполномоченным 55-го стрелкового полка. После завершения Сталинградской битвы этой дивизии было присвоено звание 97-й гвардейской, а полку – 292-го гвардейского. В это время под Сталинградом было два фронта: в севера – Донской, с юга – Сталинградский. 660ая армия, в которую входила наша дивизия, была в составе Донского фронта, которым командовал К.К.Рокоссовский.

Зима началась рано. 13 ноября установились морозы. Строительных материалов не было, приходилось строить блиндажи вроде медвежьих берлог, а вход закрывать плащ-палатками. В ноябре перед всеми дивизиями 66-й армии была поставлена задача вести разведку днем и ночью. А между тем в излучине р.Дон наше командование скрытно подтягивало технику и пехотные соединения. Наконец, с 19 по 25 ноября 1942 года нашими войсками был нанесен мощный удар по немецкой обороне на г.Калач, и 330 тысяч немцев оказались в кольце. Но и в окружении немецкие войска сражались очень упорно. Командование посылало к окруженной группировке много транспортных самолетов с боеприпасами и продовольствием. Но транспортные самолеты имели небольшую скорость и служили хорошей мишенью в воздухе. Наши зенитчики сбивали их из зениток и крупнокалиберных пулеметов ДШК. По самолетам стреляли из противотанковых ружей и просто из винтовок бронебойно – зажигательными пулями. Иногда за день сбивали по 20-30 транспортных самолетов. В конце концов транспортная авиация перестала летать, а фашисты в окружении голодали. Наше командование предлагало им капитуляцию, но немцы ее отвергали. Тогда наши войска стали дробить группировку на части. Видя свою безыс-

ходность и потеряв надежду на помощь, 2 февраля 1943 года немецкая группировка во главе с фельдмаршалом Паулюсом капитулировала.

В первых числах июля 1943 года наша дивизия размещалась в Боброво – Дворцовом районе Курской области во втором эшелоне Степного фронта. Мы получили пополнение и готовили его к будущим боям, т.к. после Сталинградской операции ощущалась острая нехватка людей.

Погода стояла теплая, солнечная. Изредка перепадали дожди. На полях Курской области колосились хлеба. Примерно с 3 июля через наше расположение стали по ночам проходить большие колонны танков. В ночь с 5 на 6 июля рано утром весь передний край загудел от артиллерийской канонады. Нас подняли по боевой тревоге, но приказа наступать не было. Часа через два полк предупредили, что фашистские войска прорвали наш передний край в районе села Прохоровка. Появились многочисленные повозки с ранеными. «Чего смотрят наши танкисты, - говорили солдаты, - стоят вон в роще и не идут навстречу врагу». Но вскоре танки ринулись к переднему краю, а за ними двинулась пехоты. Двигались часа два или три, все громче и яростней гремели артиллерийские выстрелы. Последовал приказ: занять господствующие высоты и окапаться, что мы и сделали. Впереди нас в низине шла битва между нашими и немецкими танками. Грохот стоял невероятный. Пылали наши и немецкие танки. Густой черный дым поднимался в голубое июльское небо. Иногда видели, как из наших подбитых танков выскакивали танкисты в горячей одежде. Когда кончались боеприпасы, танки таранили друг друга. Был сплошной грохот стрельбы, лязг металла и вой моторов. Одни танки отходили заправиться горючим и боеприпасами, другие шли к полю боя. Так продолжалось три дня. В последующие дни наш полк, освободив несколько деревень, вышел на намеченные позиции и занял оборону.

№ августа 1943 года командир полка собрал командиров батальонов и сообщил, что завтра по сигналу выстрелов одиночной «Катюши», которая произведет залп в сторону противника, начнется генеральное наступление. И в самом деле, утром часов в 8 дала залп «Катюша», после чего загремела артиллерия, а ее вечером и накануне прорыва навезли очень много, через каждые 10 метров по линии фронта были установлены пушки. Артиллерийская подготовка велась больше часа. Затем по всей линии фронта, сколько видели глаза, в сторону немецкой обороны низко над землей летели красноразведные штурмовики. Они выпускали по гитлеровцам реактивные снаряды, обстреливали из пушек и пулеметов, бомбили передний край врага. Сделав свое дело, штурмовики улетали обратно на полевые аэродромы. На смену шли очередные эшелоны штурмовой авиации и так прошли пять эшелонов.

А высоко над землей в сторону врага шли крупные соединения двухмоторных бомбардировщиков, которые наносили удары по танкам врага. Пехотинцы ликовали при виде такого множества советской авиации. Каждый понимал, что здесь наше командование решило начать серьезное наступление. Вот появились наши мощные танковые колонны, и мы стали продвигаться за ними и взяли в плен большую группу фашистов.

По дороге к селу Стрелецкому мы увидели пять автомашин с разбитыми кузовами и со снесенными кабинами, трупы гитлеровцев. Около задней машины валялись обломки нашего штурмовика, лежал погибший советский летчик. Мы извлекли из кармана его гимнастерки комсомольский билет, который с подробным описанием подвига передали по назначению. Около головной машины валялся авиационный мотор. Не трудно было догадаться, что здесь произошло. Вероятно, наш летчик был тяжело ранен и в последние минуты своей жизни прошелся над немецкой автоколонной, корежа автомашины и гитлеровцев.

О первом салюте, который был произведен в честь прорыва обороны противника на Орловско – Курской дуге и освобождении г. Белгорода мы узнали через два дня. Радостно было у всех на сердце. Солдаты спрашивали офицеров: «Надо полагать, что салюты будут вплоть до взятия Берлина».

Мы с боями продвигались к г. Богодухову Харьковской области, который освободили 13 августа 1943 года и продвинулись западнее села Мурафа, где завязались ожесточенные бои с фашистами. 18 августа немецкая авиация и танковое соединение нанесли мощные удары по нашей обороне, немного потеснив нас. Через день мы восстановили положение и с боями стали продвигаться к г. Полтаве. Политработники проводили с личным составом беседы, воодушевляли бойцов на освобождение города. При этом они приводили примеры о сражении русских войск со шведами под Полтавой.

Запомнился случай с гвардии старшиной Агеевым из первого стрелкового батальона нашего полка. Он командовал взводом 45мм пушек. Это был человек высокого роста, с мужественным волевым лицом. Полковые сапожники и портные специально для него шили сапоги и обмундирование. Он у командования полка и у всего личного состава за свою смелость и богатырскую силу был в большом почете. Агеев хорошо разбирался в технике. В одном из боев близ города Богодухова стрелковый батальон, в котором служил Агеев, держал оборону. После артподготовки гитлеровцы неожиданно бросили на батальон десятка два танков. Две противотанковые пушки Агеева, замаскировавшись на опушке небольшого кустарника, открыли по танкам огонь и подбили четыре машины. У Агеева оказался выведенным из строя один орудийный расчет, вторая пушка еще стреляла и подбила еще одну вражескую машину. У Агеева осталось два снаряда, когда он обнаружил, что один немецкий танк зашел с правого фланга, где находился фруктовый сад, и, ломая деревья, пошел прямо на орудие. Агеев развернул орудие и сделал два выстрела по танку. Машина закрутилась на одном месте. Старшина схватил автомат, две противотанковые гранаты и вместе с уцелевшими бойцами побежал в густые заросли молодого вишняка, что находился в двух десятках шагов от пушки, и там затаились. Фашисты из подбитого танка заметили, что артиллеристы оставили пушку. Медленно открылся люк танка, из него показалась голова гитлеровца, который, осмотревшись, вылез из танка, посмотрел на сброшенную гусеницу, покачал головой и что – то крикнул своим товарищам. Те, не выключив даже мотора, выпрыгнули из машины и тотчас метким автоматным огнем Агеева и его товарищей были уничтожены. Старшина Агеев вскочил на танк и скрылся в люке. Его примеру последовали двое солдат, остальные остались в укрытии. Не прошло и пяти минут, как Агеев развернул башню танка и открыл огонь по немецким танкам, которые двигались в его сторону. Фашистам было плохо виден танк, в котором сидел старшина. За короткий промежуток времени Агееву удалось подбить шесть немецких танков и отбить танковую атаку. В этом бою он получил серьезное ранение. Бойцы с большим трудом вытянули его из танка, доставили в санпункт, а там на машине а медсанбат. После госпиталя он на новый 1944 год посетил наш полк с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. По состоянию своего здоровья ему больше не пришлось участвовать в боях.

За освобождение г. Полтавы дивизии было присвоено звание «Полтавская».

Отступая по Полтавской области к Днепру, немцы жгли деревни и села, уничтожали хлеб на полях и элеваторах, расстреливали скот, угоняли с собой жителей. Дальше наш путь лежал на г. Кременчуг. Переправившись через Днепр, мы пошли на г. Александрию Кировоградской области на разъезд Павлыш станции Бандуровка и Корыстовка. После ожесточенных боев освободили город Знаменку и ее крупный железнодорожный узел. Из ближайшего Черного леса, примыкавшего к Знаменке, вышло крупное партизанское соединение, которое помогло нам в освобождении этого города. Там в Знаменке был опознан предатель Родины Горбашев Дмитрий Дмитриевич уроженец Ивановской области. Он был завербован немецкой разведкой и по ее заданию внедрился в партизанскую группу, состоявшую из шахтеров Александрии. Он предал эту группу, из которой немногим удалось остаться в живых, сам вновь внедрился в другое партизанское соединение, чтобы творить свое черное дело. Горбашев был арестован органами контрразведки «Смерш» и приговорен военным трибуналом к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в феврале 1944 года на базарной площади г. Александрии в присутствии большого числа жителей.

Далее нашей дивизии пришлось участвовать в боевых операциях при освобождении городов Кировоград, Ново-Украинка, Первомайск. Затем воевали на Днестровском плацдарме, в Молдавии, на румынской земле южнее города Баташаш, откуда мы были переброшены под город Тернополь. Освободив его, двинулись на г. Львов, который освободили и ушли в Польшу на Сандомирский плацдарм. 12 января 1945 года осуществили прорыв обороны и, освободив Польшу, форсировали реку Одер на территории Германии и стали продвигаться в глубь ее территории.

В апреле 1945 года мы выдвинулись к р. Нейсе. Вокруг в лесах было много разрозненных немецких войск, которые устраивали засады на дорогах и наносили тем самым существенные потери тылам наших полков. Напали на обоз и нашего полка, уничтожив личный состав. За обозом двигалась санчасть полка, и фашисты уничтожили всех раненых, которых везли на повозках, а также перебили весь медперсонал.

На такую засаду довелось наскочить и мне. Было это так. Двигался я за полком с батареей 76 мм пушек. Немецкая авиация бомбила нас по дороге к р. Нейсе. Был убит командир взвода батареи гвардии лейтенант Проценко и поврежден лафет одной из пушек. Пока артиллеристы исправляли лафет, мы отстали от пехоты. Потом двинулись дальше по дороге. Влево от дороги стояло три дома фермерской усадьбы, вправо – пахотное поле. Впереди нас дорога спускалась в ложбинку, поперек ее лежала огромная ель. Слышим треск и видим, как с противоположной стороны дороги ложится вторая ель.

«Засада!» - мелькнула в голове мысль. Мы остановились, зашли в дом на первый этаж, там пусто. Вдруг справа из леса началась стрельба по нашим артиллеристам. Ездовые на пушках и повозках со снарядами быстро помчались вправо на поле, туда бросились все артиллеристы, за ними и мы со связным Семеном Гелей. Проехав по полю метров двести, батареи остановились. В случае необходимости здесь можно было развернуть орудия и открыть огонь. Снарядов на повозках было много. Стоя возле орудий, я быстро оценил обстановку. Впереди на дороге засада, так что двигаться за полком нельзя до тех пор, пока ее не снимем. По автоматной стрельбе, когда нас обстреляли на дороге, я довольно точно засек ее расположение. Возник вопрос: что предпринять? Командира батареи среди батарейцев не было. Я спросил у командира взвода:

- где командир батареи?

- Не пойму, куда он деда, - он пожал плечами.

- Пойду к месту немецкой засады, в случае чего окажи мне подмогу, и ребят держи наготове, - сказал я.

Автомат ППШ был у меня на груди с полным диском патронов, справа на поясе пистолет ТТ, слева – полевая сумка с документами. У моего связного также был ППШ и ТТ на поясе. Я сказал Семену: «Пойдем снимать засаду», и мы направились к лесу. Подошли к опушке метров на сто, прошли ее, потом поползли по-пластунски метров пятьдесят, свернули влево и опять поползли. Видим, траншея среди леса. Подползли к ней и спустились в нее. Я понял, что эта траншея подготовлена немцами, которые нас обстреляли, и они находятся где - то совсем близко. Возможно также, что они обнаружили нас и готовятся захватить в плен. Всматриваемся, вслушиваемся, тишина! Видимо, немцы лежат среди деревьев на земле, и нам нужно быть готовыми к бою. В это время хрустнула ветка впереди справа. Семен мне шепчет на ухо: «Товарищ старший лейтенант, фриц с земли поднялся, я его сейчас в плен возьму». Он пулей выскочил из траншеи, вскинул автомат, шагнул два шага вперед и крикнул немцу: «Ком». Тот мгновенно выстрелил по Семену, но промазал. Семен свалил его автоматной очередью. В это время метрах в двадцати от нас с земли стали подниматься немцы численностью около взвода, а может и больше. Я мгновенно открыл по ним огонь из автомата. Семен также бьет из своего автомата. Видим, как некоторые немцы падают, другие орут, третьи убегают. Сначала замолчал автомат Семена, потом патроны кончились у меня. Начали стрелять из пистолетов.

- Пулей беги на батарею за подмогой, а то они очухаются и нам с тобой капут», - сказал я Семену.

Я осторожно вылез из траншеи, вставил три оставшихся патрона в автоматный диск и пополз в ложбинку метрах в десяти от траншеи. В это время раздался винтовочный выстрел. Пуля впиалась в елку немного выше головы, я сразу припал к земле. В это время слышался топот бегущих людей и автоматная очередь. Это подоспели наши батарейцы. Мы подошли к убитым немцам. Их было 16 человек. Под одной из елок я обнаружил радиостанцию, быстро отвернул от нее антенну, скрутил и бросил в сторону, а станцию разбил прикладом автомата. После снятия засады мы двинулись в путь и вскоре догнали свой полк.

На другой день мы форсировали реку Нейсе и стали продвигаться к городу Дрездену. 7 мая после овладения Дрезденом мы двинулись на столицу Чехословакии Прагу. При освобождении Праги чехи словаки встречали нас с большим радушием.

Я всю войну был работником контрразведки «Смерш» и могу сказать, что наша работа была очень трудной. Мы всегда находились в ротах и батальонах и знали все, что делалось в каждом отделении, любой роте. За время войны мы выявляли в полках вражескую агентуру, «Самострелов», антисоветчиков и других элементов. Освобождая города и села, арестовывали немецких пособников, старост, полицаев, предателей. Так что работы хватало.